

дальних эпох или влиянии других языков. Для отдельного говорящего не допускается вариативность ударения, хотя в некоторых словах вариативность допускается для общества в целом.

ЛАШИНА Е. Б.

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ)

В свое время Аристотель поднимал важный вопрос о включении «чужого текста» в речь оратора, имея в виду интертекстуальность. Конечно же, в древности не существовало определения интертекстуальности, но именно интертекстуальность ученый имел в виду, когда говорил о двух способах убеждения: примера и энтимемы. Великий философ различал два вида примеров: «один вид примеров заключается в том, что приводятся факты прежде случившиеся, другой в том, что – (оратор) сам сочиняет таковые; в последнем случае может быть, во-первых, притча, во-вторых, басня, каковы, например, басни Эзопа и басни ливийские» [1, с. 230]. Энтимемы же Аристотель представлял в виде доказательств, а также относил к ним изречения, которые «представляют большую подмогу для речей» [1, с. 237].

В «Поэтике» Аристотель описал теорию мимесиса, которая заключается в том, что основой творческой деятельности художника является воспроизведение и подражание (заметим, что прежде «мимесисом» Платон назвал тот процесс, по которому «поэт воспроизводит некий мир» [1, с. 9]). Согласно теории мимесиса по Аристотелю, природа художественного удовольствия заключена в радости узнавания: вид знакомого явления актуализирует связанную с ним память, ассоциации, сопоставления. Подражание формируется в естественной среде человеческого существования. Аристотель утверждал, что в основе поэтического искусства лежат две естественные причины. Во-первых, благодаря подражанию, человек приобретает свои первые знания, а во-вторых, то, что подражание доставляет удовольствие. Аристотелевская концепция мимесиса разворачивается в про-

странстве мифа, где миф рассматривается как самостоятельная структура. Иными словами, миф есть фабула, где подражание раскрывает свою структуру, методологию и предметную ориентацию. Именно в фабуле Аристотель видит подражание действию. Подражание приобретает у Аристотеля некоторое первичное качество, которое способно нечто произвести, быть продуктивным, позитивным и активным принципом. Мимесис начинает вбирать в себя, составлять собственный смысл из знания и удовольствия, создавать что-то новое. Это и помогает человеку творить и созидать. В создании нового на основе «чужого» заключается основной принцип теории интертекстуальности.

Исследователей также интересовала проблема роли сходных элементов в текстопорождении у разных народов. В литературоведении эта проблема обозначена как «бродячие сюжеты», т. е. те сюжеты, которые повторяются из века в век, от народа к народу, от автора к автору. Основоположниками в исследовании данной теории стали представители мифологической школы (Ф. В. Шеллинг, братья А. и Ф. Шлегель, братья В. и Я. Гримм, А. Кун, В. Шварц), которые пытались объяснить совпадение в сюжетах эпоса, мифов, сказок тем, что они уходили в глубь языческой мифологии и возникли у родственных народов.

Изучение подобных связей привело к появлению так называемой «школы заимствования», которая важным аспектом своего изучения считала восстановление первоначального текста эпического произведения. Эта школа (Т. Бенфей, М. Мюллер) опровергла мифологическую теорию, доказав, что большинство сюжетов заимствованы с Востока, преимущественно из Индии, а их последующее распространение связано с переселением народов и завоевательными войнами. Такова, например, русская сказка о Шемякином суде, родиной которой является Восток, а именно Индия, и параллели которой можно видеть в тибетском сказании, в сказке о каирском купце, в современных персидских сказках, в итальянских новеллах Джованни Серкамби, в английских стихах о водовозе Бусотто.

В Европе во второй половине XIX века на первый план выходит английская антропологическая школа (Э. Тейлор,

Э. Лэнг, Т. Вайц), которая резко критикует концепции генезиса героического эпоса, обоснованные мифологами и сторонниками теории заимствования, объясняя совпадение сюжетов одинаковой ступенью культурного развития народов. По их мнению, сходные памятники устного творчества возникают у разных народов вследствие того обстоятельства, что все этносы проходят одни и те же этапы развития и характеризуются одинаковой психологической деятельностью и мышлением [4, с. 31, 58, 7552; 5, с. 219–220].

Синтезируя элементы различных учений, русский филолог А. Н. Веселовский в XX веке создает теорию «бродячих сюжетов». Отметим, что под сюжетами исследователь понимал «сложные схемы, в образности которых обобщались известные факты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [2, с. 302]. Он разделял учение представителей мифологической школы о народных корнях поэзии, которые уходят в глубь язычества, но гипотезу о том, что совпадение в сюжетах эпоса, мифов, сказок возникло у родственных народов, не признавал.

Не во всем удовлетворяла исследователя и теория заимствования. Он считал, что сходство с восточными сюжетами не доказывает исторической взаимосвязи между ними. На сходство сюжетов может влиять равномерное психическое развитие.

Важным в теории А. Н. Веселовского является положение о том, что постоянным остаются поэтические формы, меняющимся же является содержание, которое вливается в формы, обновляя их содержание [2]. Подвижное содержание и есть проявление интертекстуальности.

Итак, хотя термин «интертекстуальность» возник сравнительно недавно [3], «интертекстуальность», как прием, известна науке со времен Аристотеля. В описании двух способов убеждения, в теории мимесиса, где создается новое на основе уже накопленных знаний, заложены основы теории интертекстуальности. Не менее очевидны проявления интертекстуальности в более поздних исследованиях о динамическом характере развития «бродячих сюжетов», где, несмотря на происходящие изменения, сохраняются старые элементы.

Примечания

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб. : Азбука, 2000. 347 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. М. : Высшая школа, 1989. 406 с.
3. Kristeva J. Semiotike Recherches pour une seminalyse / J. Kristeva. Paris, 1969. 319 p.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
5. Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974. 509 с.

МИХАЙЛОВА Л. Г.

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ

В общепринятом значении под информацией понимается всякое сообщение, оформленное как словосочетание номинативного характера. Это может быть предложение, в котором сообщаются какие-то факты, сочетание предложений (сверхфразовое единство), цельный текст. Информация в таком понимании обычно отождествляется с номинацией, смыслом, содержанием. Так, правомерно назвать информацией сообщение типа: *«он придет завтра»* или *«я изучаю французский язык»*.

Категория информации охватывает ряд проблем, выходящих за пределы чисто лингвистического характера. Одна из них – проблема нового (неизвестного). Совершенно очевидно, что новое не может рассматриваться вне учета социальных, психологических, научно-технических, общекультурных, возрастных, временных и других факторов. Для одного получателя сообщение будет новым и потому будет включать информацию, для другого это же сообщение будет лишено информации, поскольку содержание сообщения ему уже известно или вообще не понятно. То, что для определенного времени было новым, для последующего уже известно и т. д.

Информация в тексте различна по своему прагматическому назначению. Анализируя одну из основных текстовых категорий – категорию *информативности*, И. Р. Гальперин выделяет несколько видов текстовой информации: содержательно-